

УДК 636(=512.31)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-247-252

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ОЛЕНЕВОДСТВА У ЦААТАНОВ МОНГОЛИИ

© **Рассадин Игорь Валентинович**

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: rassadin.73@mail.ru

В статье автор рассматривает основную, по утверждению всех источников, хозяйственную деятельность цаатанов Монголии при их кочевой жизни — оленеводство. С конца XIX в. и до конца 20-х гг. XX в. наряду с оленеводством у них прослеживается табунное коневодство, заимствованное у монголов. Другими видами хозяйственных работ, дающими дополнительный источник существования, особенно при малой численности оленей в хозяйстве и при плохой охоте, являлись рыболовство и собирательство. При изучении хозяйственного уклада автор в статье особо обращает внимание на важные и актуальные проблемы, такие как сохранение оленеводства и традиционных видов промысла. В статье говорится об уникальности саянского типа оленеводства, в отличие от других имеющихся типов.

Ключевые слова: оленеводство; цаатаны Монголии; хозяйственная деятельность; собирательство.

A BRIEF ANALYSIS OF REINDEER HERDING AT THE TSAATANS OF MONGOLIA

Igor V. Rassadin

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanov Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Candidate of history

E-mail: rassadin.73@mail.ru

In the article, the author tries to restore and show the main economic activities of the Mongolian Tsaatans during their nomadic life, reindeer herding. Shows in the article that according to all sources, among the Tsaatans of Mongolia, they were reindeer herding and hunting. However, from the end of the last century to the end of the 20s of our century, along with reindeer herding, they traced herd horse breeding borrowed from the Mongols. Other types of economic work, giving an additional source of livelihood, especially with a small number of deer in the farm and with a bad hunt, were fishing and gathering. When studying the economic structure, we have paid special attention to the urgent problems of the conservation of reindeer husbandry and traditional types of fishing. The article highlights the uniqueness of the Sayan type of reindeer husbandry, unlike other available types.

Keywords: reindeer herders; Mongolian caaatans; economic activity; gathering.

Цаатаны Монголии искони разводят оленей так называемой карагасской породы, принадлежащей к виду северных оленей. Карагасский олень более одомашнен, чем все другие породы северных оленей, и очень неприхотлив в пище

[4, с. 87–92]. Дархатская котловина, расположенная в горно-таежном массиве Саян, покрытых горной тайгой, имеющих на высокогорных плато, так называемом белогорье, обширные пространства высокогорных тундр, сплошь покрытых ягелем — оленьим мхом, представляют собой идеальное место для обитания северных оленей. Дикий северный олень сохранился здесь, кстати, и поныне. Эти места издавна были освоены людьми — предками цаатанов. Оленеводство как специфическая отрасль животноводства отмечено и у некоторых других народов, живущих по соседству с цаатанами и обитающих в сходных географических условиях. К этим народам относятся тюркоязычные тувинцы-тоджинцы [2, с. 57–68], тофалары [9], а также монголоязычные дархаты в Монголии [13, с. 113–114] и бурятоязычные экинские сойоты в Бурятии [5, с. 14; 6, с. 54–55; 7, с. 58; 10; 11]. Все исследователи единодушно утверждают, что оленеводство у этих тюрко-монгольских саянских народов выючно-верхового типа сочетается с кочевым охотничье-промысловым образом жизни.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин, исследовавшие в специальной работе типы оленеводства России и их происхождение, выделяют 5 типов оленеводства: 1-й — лопарский, 2-й — самоедский, 3-й — саянский, 4-й — тунгусский, 5-й — чукотско-корякский [3, с. 77]. Саянский тип оленеводства, по их мнению, присущ лишь тувинцам и тофаларам. Как они утверждают, «...оленеводство тувинцев и тофаларов... обнаруживает ряд черт, которые выделяют его в особый тип. Относясь, так же как и оленеводство ряда эвенкийских групп, к выючно-верховому типу без пастушеской собаки, оно отличается вместе с тем от оленеводства тунгусских народностей способом кастрации и многими деталями выючно-верхового транспорта: устройством седел, способом седлания, отсутствием посоха, посадкой и продлением поводка слева. Обратим внимание, что прохождение поводка и посадка слева (в одном случае на оленя, в другом случае на нарту) сближают саянский тип с самоедским. На черты, сближающие оленеводство тофаларов и тувинцев с коневодством, указывалось уже выше» [3, с. 76–77]. Авторы отмечают также, что по технике выючно-верхового транспорта выделяются вообще три различных типа: саянский, сибирский и лопарский. Лопарский тип имеет только выючное седло особой конструкции и, не сближаясь с остальными двумя, стоит особняком. Для двух других типов характерны как перевозка выюков на специальных выючных седлах, так и верховая езда. При этом саянский и сибирский типы в этом заметно разнятся. «Саянский тип характеризуется чертами, сближающими его с типом выючно-верхового конского транспорта: все устройство седла со стременами и двумя ремнями, способ седлания и посадка. В отличие от сибирского типа, поводок проходит слева. Распространен только у тувинцев и тофаларов. Сибирский же тип отличается от саянского устройством как верхового, так и выючного седел, способом седлания, посадкой, употреблением посоха при посадке и езде, а также прохождением поводка с правой стороны. Распространен среди эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, якутов, негидальцев, ороков» [3, с. 73]. «Седло саянского типа по своему устройству сходно с конским седлом. Оно имеет высокие массивные луки, крепленные на досках, несколько отступая от концов к середине. Это седло имеет стремяна и, кроме

подпруги, также подгрудный и подхвостный ремни. Доски его не обшиты, а под седло укладывают сложенный войлок и кусок ровдуги. Такие седла распространены у тувинцев и тофаларов, которые иногда покупают их у своих соседей-коневодов» [3, с. 71–73]. Нам, кроме того, известно, что только у тофаларов (эримээш), тувинцев-тоджинцев (ээрмээш), цаатанов (эримээш) и дархатов (эрвээлж) имеются особые седла с высокими перекрестиями вместо обеих луков, предназначенные для перевозки детских колыбелей и малолетних детей [9]. Именно такие седла есть еще у киргизов (айырмач), а также у северных монголов (эрвээлж) и калмыков (эрвэлжн). Кстати, на связь тувинского и киргизского седел указал С. И. Вайнштейн [1, с. 54–60].

Относительно происхождения оленеводства на Саянах Г. М. Василевич и М. Г. Левин приходят к выводу о том, что впервые оно развилось у самодельных аборигенов тайги под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов [3, с. 87]. К такому же выводу приходит и С. И. Вайнштейн, анализируя историю появления оленеводства у тувинцев-тоджинцев [2, с. 33]. Как показало обращение к литературе и этнографическим фактам, оленеводство саянского типа оказалось присуще не только тувинцам и тофаларам, но и цаатанам и дархатам в Монголии и окинским сойотам в Бурятии. Следует при этом отметить, что С. Бадамхатан прямо указывает, что оленеводство дархатов является частью тувинского оленеводства [13, с. 114]. Цаатаны же — тюркоязычный народ, родственник тувинцам и тофаларам, их оленеводство однотипно с тувинско-тофаларским и обслуживается одними и теми же по сути терминами [12, 7–9; 14, с. 106–108].

Относительно сойотов известно, что они происходят от тюркоязычных племен Саян [15, с. 97–100] и сами еще недавно были тюркоязычны, поэтому мы вправе предположить, что и у них оленеводство того же типа, что и у других тюркских народов Саян. Во всяком случае описание окинского сойотского оленеводства и его вьючно-верхового транспортного использования с типом седел, сходных с таковыми у тувинцев и тофаларов, какое находим у исследователей сойотов [6, с. 54–55; 7, с. 85–90], позволяет утверждать это с большой долей вероятности.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно сделать несколько выводов: 1) современное оленеводство саянского типа, имеющее многие черты, выделяющие его среди других типов оленеводства, представлено не только у цаатанов и дархатов Монголии, но также у тофаларов, тувинцев-тоджинцев и сойотов Бурятии; 2) саянский тип оленеводства, наиболее приближенный к коневодству, возник среди аборигенных и позднее перекочевавших сюда тюркоязычных племен под влиянием коневодства; 3) к монголоязычным племенам Саян и Присаянья оленеводство перешло от тюркоязычных саянских племен. Роль оленеводства в жизни цаатанов Монголии была весьма велика. Транспортное вьючно-верховое использование оленей позволяло осваивать большие промысловые угодья. Карагасский олень самый крупный в мире и очень вынослив, поэтому в зимних условиях олени цаатанов могут проходить под седлом и вьюком около 30 км в день, при этом даже там, где лошадь не может пройти и десятка километров. Особенно незаменимы олени в условиях высокогорной тундры, которая покрывает значительные площади на Саянских плато. Только благода-

ря оленям цаатаны осуществляли свои сезонные перекочевки и зимнюю охоту. Наличие у охотника 3–4 оленей позволяло ему непрерывно охотиться месяцами. Такое было возможно при ежедневной смене ездового оленя. Пока он ездил на одном в течение всего дня, другие паслись и отдыхали. На следующий день охотник седлал другого оленя и так далее. Такой способ позволял ему всю зиму сохранять силы своих оленей.

Оленеводство цаатанов было основано на экстенсивном использовании пастбищных угодий и, как и охота, требовало постоянных сезонных перекочевков. Весь годовой хозяйственный цикл цаатанов был связан с охотой в разные сезоны и со сменой оленьих пастбищ. Интересы оленеводства определяли строго сезонный цикл кочевков с заранее намеченными остановками в местах, наиболее благоприятных для пастьбы, гона, отела. Кроме того, маршруты и количество кочевков зависели и от требований охотпромысла и стремления создать наиболее благоприятные условия для охоты и охватить ею как можно большую территорию. Собирательство тоже требовало определенных сезонных перемещений. Поэтому в течение года оленеводы совершали до 15 и более перекочевков различного характера. Зимой они жили обычно в долинах рек, осенью и весной располагались повыше, в таежных массивах. Летом стойбища оленеводов находились на белогорье — плоских горных вершинах, покрытых ягелем, где всегда дул ветер и где не было мошки. Очень важным вопросом в деле пастьбы оленей летом является вопрос о выборе места для выгона. Оно должно отвечать целому ряду условий, из которых важнейшие — удобства для оленей, а уже второстепенные — для их хозяев. Самыми подходящими местами являются высокогорные луга с ягелем выше линии леса. Только здесь олени летом чувствуют себя хорошо. Обычно летние пастбища располагаются в широких долинах, окруженных горами так, чтобы олени не смогли разбредаться в разные стороны: ведь они пасутся без присмотра пастухов и без пастушеских собак, самостоятельно. Наиболее подходящими в этом отношении являются остатки кратеров древних вулканов. Такие пастбища называются (ср. древнетюркское *otukan jis* — «Отюкенская чернь»), известны наперечет и считаются идеальными для пастьбы оленей летом.

В принципе самым хлопотным и трудоемким для цаатанов Монголии процессом пастьбы оленей является их летний выпас, потому что в иные времена года, когда происходят различные перекочевки, олени работают и пасутся обычно там, где люди сделают стоянку, специального выпаса в это время нет. Оленухи в это время уже не доятся, и поэтому за ними нет специального ухода, как это происходит летом. Зато в летнее время, когда олени отдыхают, накапливают силы для предстоящей осенней и зимней работы на охотпромысле, начинается специальный выпас оленей.

Как нам удалось установить из разных источников, традиционно это происходило следующим образом.

Летом, когда все семьи цаатанов, принадлежащие к одной патронимии, съезжались вместе на белогорье для пастьбы оленей, к ним обычно присоединялось несколько других аалав. Таким образом, на одном месте могли собирать-

ся до десятка и более чумов. На удобном, обычно это было заветренное место, склоне горы, предпочтительно террасе, на большой поляне чумы располагались кругом или полукругом, в зависимости от их количества. Все олени собирались в одно большое стадо и отгонялись на выбранное пастбище. При этом, как уже уже говорилось, олени паслись сами, без пастухов и собак. В начале лета олени питались свежей травой, почками карликовой березки, ягелем. В разгар лета тоже травой и ягелем. В конце лета, когда появлялись грибы, они становились избранной пищей оленей. В это время олени во множестве поедают грибы и даже широко разбредаются в поисках грибов. Настает самое трудное время для оленеводов, так как именно в этот период происходят значительные потери оленей.

Отел происходил обычно в самом конце апреля и в мае. В это время начинали доить важенок. С появлением телят их обычно на весь день пригоняли в стойбище, где в самом его центре были устроены специальные приспособления для привязи оленят в виде длинных жердей, положенных на землю, а также для привязи важенок в виде специальных односторонних козел. Если быки, олени и подростки прошлогодний молодняк все лето пасутся вольно, то дойных важенок специально выпасали. Происходило это так. Утром в стойбище пригоняли оленят и важенок. Оленятам надевали специальные намордники, чтобы они не высасывали бесконтрольно молоко у матух, и привязывали к лежащим жердям. Матух привязывали к козлам, чтобы они некоторое время выстаивались. Потом к матухе подводили ее олененка, давали ему сосать оба соска и отводили. В это время у важенки появлялось молоко, которое выдаивали в специальный сосуд в виде берестяной коробочки.

Затем выдоенное молоко сливали в специальный берестяной туюс. За один удой важенка давала обычно полстакана очень жирного снежно-белого по цвету молока. После дойки опять подводили олененка, который высасывал оставшееся в вымени молоко. Потом олененка снова привязывали к жерди, возле которой он лежал, жуя свою жвачку, целый день до вечера. После утренней дойки оленух отпускали пастись. Они паслись неподалеку, боясь потерять своего теленка. Поэтому их легко было снова поймать ближе к вечеру, когда наступало время вечерней дойки. Важенок опять привязывали к козлам, а оленята лежали, привязанные к жердям, рядом со своими матерями. После двухчасовой выстойки та же процедура дойки повторялась. За день от каждой матухи надаивали один-полтора стакана молока. После вечерней дойки оленух опять отпускали пастись. На этот раз вместе с оленятами. А утром все повторялось снова. В конце сентября — начале октября оленухи прекращали доиться. Длительность жизни оленей была сравнительно велика — хорошая важенка при надлежащем уходе жила до 20 лет и за свою жизнь приносила от 10 до 12 телят. Средняя важенка жила до 15 лет и, соответственно, меньше раз телилась. Быки при большой рабочей нагрузке более 10 лет не выдерживали, редко доживали до 15 лет. У многооленных хозяев олени жили дольше, поскольку имелась возможность чаще сменять оленей в работе. У бедняков, не имевших много оленей, каждый олень получал предельную рабочую нагрузку и поэтому долго не жил. Когда приближался конец жизни оленя, а это узнавалось по съеденным зубам, его старались

откормить на осенней траве и ягеле, когда они еще мягкие, а потом оленя забивали на мясо. После забоя мясо и кишки варили и употребляли в пищу, шкуру, а также сухожилия, из которых ссучивали крепкие нитки. Таким образом, хозяйственная роль оленя в жизни цаатанов была чрезвычайно велика, хотя на мясо своих оленей цаатаны забивали редко, только по старости или в случае увечья. Мясо для пищи добывали в основном охотой.

Анализ способов ведения цаатанами Монголии оленеводства — одного из видов традиционного хозяйствования — говорит о том, что они создали уникальную культуру, позволившую им жить в условиях кочевой жизни в суровой высокогорной тайге Саян.

Литература

1. Вайнштейн С. И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении // КСИЭ. Вып. 34. 1960. С. 54–60.
2. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы // Историко-этнографические очерки. М.: Восточная литература, 1961. 217 с.
3. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63–87.
4. Керцелли С. И. Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. 1925. № 3. С. 87–92.
5. Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 12. Педагогич. фак-т. 1927. С. 217–226.
6. Рассадин В. И. Легенды, сказки и песни седого Саяна. Иркутск, 1996. 249 с.
7. Рассадин В. И., Цыренова Д. Б. Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. 188 с.
8. Рассадин И. В. Специфика оленеводства у тюрко-монгольских народов Центральной Азии // Цыбиковские чтения — 7: тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1998. С. 46–48.
9. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 201 с.
10. Рассадин И. В. Об оленеводстве у окинских сойотов // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. Вып. 2. Ч. 1. С. 23–28.
11. Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 214–217.
12. Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм [Жизнеописание хубсугульских цаатанов]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1962. 66 х.
13. Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан [Дархаты — народ Хубсугула]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1965. 257 х.
14. Дулам С. Уйгар-цаатан ардын бөө мөргөл, угсааны зүйн талаарх ажиглалт [Некоторые замечания по шаманству уйгуров-цаатанов] // Эрдэм шинжилгээний бичиг [Новые исследования в науке]. Улаанбаатар, 1995. № 5. 113 х.
15. Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 90–101.